

Вопрос, на который мне чаще всего приходится отвечать: «У вас есть друзья, Александр, и какие они?» – Разные. Но, пожалуй, только про одного я могу уверенно сказать: надежный и настоящий друг, любящий сын, верный муж, целеустремленный, спокойный, умный человек. – «Ну прямо чудо какое-то!» – **Точно! ЧУДО!** И у него есть имя – Михаил Цителашвили. Мы учились вместе. Помню, как молил Бога хоть как-то быть рядом с их дружной и творческой семьей. А еще мы вместе снимались впервые в кино в фильме А. Суриковой «**Дайте чуду шанс**». Думаю, что название фильма предопределило в чем-то нашу последующую жизнь. Во всяком случае, Миша сделал ЧУДО своей жизнью!

.....

.....

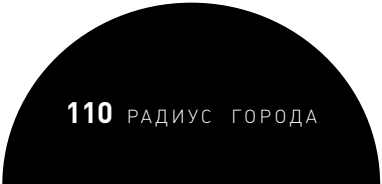
.....

.....

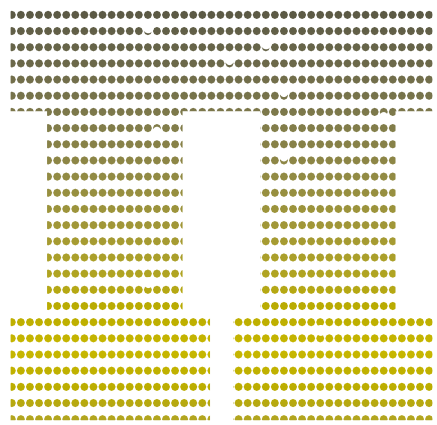
.....

Проект **АЛЕКСАНДРА ОЛЕШКО**

Фото: Михаэль Иванов

Благодарим «Балчуг Кемпински Москва»
 (ул. Балчуг, д. 1)
 за предоставленные для съемок апартаменты

реже чем начать беседу, я попытался вспомнить, сколько мы с тобой уже знакомы. Оказалось, что скоро уж 19 лет будет. Мне страшно непонятна эта цифра. Раньше казалось, что 10 лет – это какой-то огромный промежуток времени, а уж 19-20 – это вообще целая жизнь. Но время бежит, ты этого не замечаешь. И, собственно, мы еще вроде как не стали взрослыми дяденьками, но уже через многое прошли. Я вдруг понял, что мне очень хочется тебя спросить про твоё детство. Каким оно было?

Детство у меня было самым нормальным – игры, шалости, пропуски уроков где-нибудь на крыше школы, кидание камней (не в людей, естественно), лазанье по деревьям, поедание фруктов, потому что жил я в Азербайджане, а там все это цветет, растет: тутовые деревья всякие, которых я не видел уже 20 лет.

А тебе снится твой дом, твой двор?

Дело в том, что сейчас есть всякие фотосайты, где можно найти фотографии родных мест. Я не могу представить, как это мой друг до сих пор живет вот в этом подъезде, в этом доме, в котором я родился. Я вообще не могу понять, как можно было прожить в одной квартире в течение 35 лет. Он никуда не выезжает, у него там семья. Я подумал: «Слава Богу». Хотя, конечно, на тот момент я желал, чтобы этого всего не происходило – всех этих войн... Но сейчас я, можно даже сказать, рад, что все эти изменения произошли, потому что я повидал мир. А что вот этот человек? Мне его даже жалко по-человечески, ведь он сидит на одном месте.

Хорошо. А тебе не жалко, например, себя – мальчика, у которого какие-то взрослые дяди и тети из-за политических взглядов взяли и украли часть детства?

Честно говоря, это на тот момент было так ужасно, что я об этом не думал. Конечно, у меня были мечты, скажем, заниматься спортом профессиональным...

А каким?

Футболом. Я был профессиональным футболистом, когда занимался в спортшколе «Нефтчи», до сих пор эта команда существует в Баку. Баскетболом, волейболом занимался тоже. Как только мы переехали в Москву, родители сразу начали искать спортивные школы. Естественно, я много пропустил. Пришлось остаться на второй год. То есть я, можно сказать, второгодник. А что до отобранного детства... Страна была в таком состоянии, что я думаю, нет людей, которые бы не пострадали.

Как это было? Почему вы уехали?

Нас забрали. За нами приехали военные. Как бы тебе сказать – когда одна нация вырезает другую. Вот это я и наблюдаю, причем воочию.

А у вас же многонациональная семья?

У меня папа грузин. Причем у папы в свою очередь мама была еврейка, а отец – грузин. Но отец-грузин тоже еврейский грузин, у которого была мама тоже непонятно еще кто, то есть моя прабабушка. Мама – армянка, и бабушка моя армянка. И вот мы забрали бабушку к себе в квартиру, это было в Баку, и за нами вечером прислали военную машину. Нас забрали с одним чемоданом, мы все бросили. Поехали в порт. По дороге нас остановили какие-то люди. Мы подумали, что это экстремисты, которые сейчас нас будут резать, оказалось, нет – военные. Более того, паром, который отбыл до нас, взорвали. И наши родственники, которые оставались в Москве и в Баку, думали, что мы были именно на этом пароме и все погибли. Истерика была еще та. А мы этого ничего не знали, просто плыли.

А сколько тебе было лет?

Подожди, сейчас посчитаю. 14 лет. Год я проучился в Москве в вечерней школе. А потом вдруг был звонок необычный от моего дяди Рафаэля, который сказал: «Миша, ты хочешь стать артистом?» На тот момент у меня не было никаких планов уже, естественно. Денег у нас не было абсолютно никаких, в нашей семье. И, естественно, я захотел стать хоть кем-то. Но я не представлял себя артистом, потому что был абсолютно неартистичным.

Но, несмотря на твою «неартистичность», ты понимал, что у тебя дядя – знаменитый фокусник?

Да ты что, я его обожал! Я ходил на все его концерты, которые проходили в Москве. Он даже брал меня с собой на выезды. Я был его фанатом.

И у тебя не возникало мысли: «Хочу быть таким, как он»?

Нет, я тогда не думал об этом. Правда, иногда мелькала в голове мысль, может быть, попытаться... Но потом я думал: «Да куда уж мне до таких артистов. Нет, я никогда в жизни не стану таким человеком». Дядя мне сказал: «Первое, что тебе нужно, поступить в профессиональное заведение. Так как ты не подготовлен, давай попытаемся туда, где, грубо говоря, у меня есть хотя бы какие-то связи». Без связей я бы поступить просто не смог. Но самое смешное заключается в том, что мой педагог, царство ему небесное, и твой тоже – Михаил Александрович Князев – сказал: «Ты знаешь, меня просили на тебя и еще на двух человек – Сашу Олешко и Оксану Емелину (если правильно помню) – обратить внимание. У комиссии не было по вам троим вообще никаких вопросов. Это учитывая то, что ты должен был пройти по блату». Поэтому совесть моя чиста. Но я готовился три месяца, каждый день проводил у своего дяди дома. Мне уже снились карты, всякие идеи.

Как человеку, который никогда не мечтал быть артистом, тебе было интересно вдруг открыть ту дверь, за которой тайна? Причем тайна не самой профессии, а тайна иллюзии, секреты которой оберегаются. Ведь раскрытый секрет – это уже не секрет.

Был такой момент в самом начале. Мне казалось, что я никогда в жизни не поступлю. Ведь вокруг такие талантливые люди. Ко мне подходили фокусники, которые тоже хотели поступить в этом году и спрашивали про дядю: «А вот помните, у вашего дяди есть фокус, когда у него летает свечка, расскажите...» И в тот момент, когда я только становился похожим на фокусника, я отвечал: «Нет, это секрет». А сейчас как-то все эти секреты, мне кажется, потеряли привлекательность для зрителей. В наши дни выступление фокусника обязательно должно включать в себя раскрытие хотя бы одного секрета. Меня так

Я верю во что-то хорошее, верю, что если идет какая-то плохая череда, за ней наступит хорошая. Я верю во что-то, что существует наверху.

и приглашают: «Михаил, вы, конечно, выступите, но в конце обязательно раскроете один фокус». То есть мы интересны только как хранители этих секретов.

Как тебя правильно называть – фокусник или иллюзионист?

Главное, чтобы не называли клоуном. Хотя я обожаю профессию клоуна, но иллюзия – это не клоунада. Фокусник – очень хорошо. Иллюзионист – замечательно. Маг и волшебник – сказка, правда, это уже из другой серии, но тоже принимается.

Ты понимаешь, что даже в XXI веке, в эпоху Интернета, новых технологий, бесконечных телевизионных передач, раскрывающих иллюзионные секреты, люди все равно хотят волшебства. Они его ищут во взаимоотношениях, в каждом дне. Это я тебе говорю вот даже с точки зрения своей профессии. Людям нужны сказки. Ты осознаешь, ощущаешь, что являешься тем человеком, который дарит людям волшебство?

Я это ощущаю всегда во время выступлений на больших концертах. Когда зритель видит на сцене человека в красивом красном фраке, когда объявляют, что он фокусник, – обстановка меняется. Я это чувствую. И зритель меня принимает не хуже, чем эстрадных звезд. Но самый сложный зритель для всех фокусников – это дети. Парадокс заключается в том, что чем проще фокус, тем легче их обмануть.

Сам веришь в чудеса?

Даже не знаю. Учитывая то, что даже фантастические фильмы я разбираю по кусочкам, тяжело поверить в чудо. Но я верю во что-то хорошее, верю, что если идет какая-то плохая череда, за ней наступит хорошая. Я верю во что-то, что существует наверху.

Фокусник может быть просто человеком?

Невозможно себя ощущать в большой компании человека. Тебе все время смотрят в рот, в глаза, в руки – а покажи что-нибудь.

Это проблема всех артистов. Вот я хочу пойти куда-нибудь и отдохнуть. И тут же говорят: «Ах, у нас сегодня Олешко

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ НЕ НАЗЫВАЛИ КЛОУНОМ. ХОТЯ Я ОБОЖАЮ ПРОФЕССИЮ КЛОУНА, НО ИЛЛЮЗИЯ – ЭТО НЕ КЛОУНАДА.

в гостях, ну, сейчас такое будет!» А я хочу просто посидеть в углу и посмотреть или просто посмеяться, хочу, чтобы меня кто-нибудь посмешил. А мне поручают тост говорить какой-нибудь. Это мука какая-то.

Я тебе предлагаю такую фразу «Как из артиста сделать человека». Потому что мы все-таки все артисты. У фокусников та же беда. Мой тесть, например, говорит: «Вот сейчас придет мой зять и всем покажет фокусы». А я не хочу показывать фокусы.

Можно ли сказать, что ты устаешь от чудес?

Абсолютно, уже в течение 10 лет это происходит.

А как тебе сейчас живется с грузинской фамилией?

Был момент, когда я из-за своей грузинской фамилии пострадал так, что возненавидел Саакашвили на все времена и годы. У меня забрали два проекта на телевидении, где уже утвердили. Можно сказать, просто выгнали, причем

абсолютно понимающе, говоря мне это на ухо. Естественно, это было негласно сделано. Один проект на НТВ и один проект на СТС – их просто отобрали из-за фамилии. Это притом, что я работал под псевдонимом «Михаил Цет» – все равно нельзя, одной Тины Канделаки достаточно. Но я как-то быстро пришел в себя, в течение полугода.

Тебе, человеку, у которого работа связана с чудесами, самому хочется, чтобы в жизни происходили какие-нибудь чудеса? Ты их ожидаешь?

Самое ожидаемое чудо – это чтобы у нас с женой, наконец, появился ребенок. Но пока этого чуда почему-то не происходит. Может, я тут начудил за свою жизнь? Не знаю.

Встреча с какими людьми как-то скорректировала твою жизнь, подарила тебе вдохновение, радость?

Ну, во-первых, когда я поступал в цирковое училище, то не представлял себя вообще в этой профессии. Увидев, как поступает один молодой человек по фамилии Олешко со мной на курсы...

Угу, психопат.

Я убедился, что я вообще не из этого мира.

Вот ты, здоровый, нормальный человек – ты понял.

Сцена – это вообще... Вот как это, когда человек становится на колени и начинает орать директору училища, что он Джейн, а ты Тарзан?

Да, и ползти еще к нему.

Еще ползти к нему.

Ползти к директору училища, изображая Маргариту Терехову. Я так хотел поступить, что полз и говорил: «Имя, сестра! Имя, имя этого подонка!» Он говорит: «Все, все, хватит! Берем, берем!»

Ну так вот я, наблюдая за этой репризой, отрывком из кино, так съезжился и думал: «Господи, бежать отсюда! Я никогда в жизни этого не сделаю!» Но потом пришло понимание, что мне, собственно, этого и не надо делать, хотя, конечно, хотелось бы. Вот эта непосредственность так во мне, наверное, и не появилась, хотя и исполняю какие-то трюки иллюзионные.

Еще какие встречи были?

С Копперфилдом.

Ты с ним встречался?

Встречался.

Расскажи.

Профессионал до мозга костей, которым, наверное, мне никогда не стать. Он ни перед чем не останавливается. Я не знаю, чем его можно удивить. Во время встречи он сидел и говорил: «Покажи, как это делается». У нас с дядей волосы дыбом встали. Как такое может быть, что он чего-то не знает? Оказывается, что он вообще многого не знает, но очень любит учиться: «Научи! Еще раз. Все, я сам!» Не думаю, что лет через 10, когда стану, надеюсь, заслуженным или народным артистом, меня кто-то чему-то будет учить. У русского человека такое невозможно. А Копперфилд, не скрывая своего интереса, честно признавался, что не понимает. Удивляться – не бойтесь удивляться, фокусники!

Расскажи про своего папу. Он был удивительным человеком.

Сгорел на работе. На похоронах все, кто пришел проститься с ним, – многие, в том числе и Константин Райкин, сказали мне: «Да, это человек, который сгорел на работе». Если он просыпался и не слышал телефонного звонка, то плохо себя чувствовал, у него начинала голова болеть. Он должен был быть кому-то нужен, что-то делать: что, где, куда ехать? Причем он не ездил на машине – только на метро. Он получил инфаркт на ногах. Он присел где-то на Пушкинской – и перенес инфаркт. Вот фанатизм!

Продолжи, пожалуйста, фразу «Я люблю...»

Я люблю всех своих друзей и родственников, жену свою люблю. Я люблю свою профессию, я могу сейчас так сказать. Люблю своих студентов, хотя и не всегда. Что я еще люблю? Люблю своих вкусно поесть с хорошими людьми.

Хорошо, теперь «Я не люблю...»

Подлость не люблю. Не люблю людей, которые врут. Не люблю, абсолютно не могу терпеть сериалы наши. Терпеть не могу, когда плохо играют.

А продолжи, пожалуйста, фразу: «Моя жизнь – это...» Подумай только.

Ой, я надеюсь, что моя жизнь в том, чтобы дарить светлое близким и друзьям и оставить чуть-чуть себе. Радость не всегда получается дарить всем. Но мне кажется, что я именно в этой жизни живу для кого-то. Да, и дарить чудо, конечно.

Не чудо ли, что человек, который как бы по блату (на самом деле не по блату) поступал когда-то давно в эстрадно-цирковое училище, и уже два года успешно преподает теперь в этом училище, имеет своих студентов, которые его обожают и любят? Вот если бы тебе сказали тогда, что ты будешь педагогом, как бы ты отреагировал?

Я бы обалдел. Во-первых, я бы сказал, что это невозможно. Это просто невозможно, потому что я и педагог – это странно. У меня есть черта хорошая: меня не раздражают люди вокруг. Поэтому я легко нахожу со студентами общий язык. Но я до сих пор не представляю себя педагогом, я и веду себя не как педагог.

А как кто? Ты друг? Наставник, наверное?

Ну, может быть, и так. Хотя я очень не хочу становиться близким другом студентам, чтобы они думали, что «от Михаила зависит моя судьба». Не дай Бог! А так иногда получается в цирковом училище: мне смотрят в глаза, и я понимаю, что только я могу помочь этому человеку определиться в жизни. И тут такая ответственность сразу наваливается – ух, как страшно! Хочется помочь, конечно, но, с другой стороны, я думаю: а могу ли вообще? Нужно ли помогать? Зачем встречать в чью-то жизнь? Может быть, ему и не надо быть артистом? Одним словом, я не педагог. Да, ты правильно сказал – наставник.

Я тебе благодарен за чудо: за то, что ты вываливаешься из этого времени, где разговоры про любовь, доброту, внутреннюю чистоту, искренность ставят под сомнение все эти качества, где над этим иронизируют. Это так печально: что должно быть нормой – сейчас называем чудом. Но с другой стороны, это прекрасно, что ты не поддаешься времени, не поддаешься провокациям вот этого безумства, которое царит вокруг. Ты остаешься человеком, ты являешься просто потрясающим, верным, надежным товарищем, другом (я это знаю, как никто другой), ты остаешься мужчиной. Я практически не помню, чтобы ты когда-нибудь жаловался, я просто этого не видел никогда. Ты многое в себе переставляешь, как кубики, что ты меняешься, что ты преодолеваешь что-то, тем самым являя собой пример того, каким должен быть человек с большой буквы, – и это настоящее чудо. Мы тебе за это благодарны.

Ты помнишь, что сказал мне как-то, когда я снимался на телевидении? «Я боюсь, что если ты станешь звездой, ты поменяешься». Может, мне и не надо становиться?

Я тебе отвечу словами старого конферансье. Когда к нему подошла одна артистка и спросила: «Скажите, пожалуйста, каким я номером в сегодняшнем концерте?» Конферансье – это был, кстати, Борис Сичкин, он вел концерт еще актером – ответил: «Дорогая моя, мне все равно, каким вы номером в программе. Для меня вы всегда номер один». Для меня и для нашей компании друзей ты, Миша, самая настоящая звезда, а для своих студентов – еще и путеводная звезда. 📍